

Б. С. Макаров

О КОНФЛИКТАХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

К сожалению, архивы не сохранили личных писем или мемуаров иностранных квалифицированных специалистов, работавших в России в первой половине XVIII в. Информацию об их семьях и частной жизни можно найти только в документах о различных криминальных и некриминальных конфликтах с их участием, имевших место в то время. Рассмотрению нескольких таких некриминальных конфликтов и посвящена данная статья.

Питер Фонгезель (Peter van Heessel)

11 декабря 1717 г. царь Петр I приказал русскому послу в Нидерландах князю Борису Ивановичу Куракину нанять в Голландии инженера-гидротехника: «...доброго слюзного мастера з двумя добрыми подмастерьями. И, дабы оные, сею зимою сюды были высланы, ибо зело в них имеем нужду»¹. 31 марта следующего, 1718 г. князь Куракин выполнил это указание: он заключил контракт с мельничным и шлюзным мастером, жителем Амстердама, Питером ван Хесселем. Ему было определено жалованье 3780 гульденов в год. Причем 3000 гульденов должны были выплачиваться его жене или доверенным лицам в Амстердаме, а остальная сумма – самому мастеру в России². Гульден в то время стоил примерно 36 коп., следовательно, жалованье Питера ван Хесселя составляло 1360,8 руб. в год. Еще ему выделялось 120 руб. на наем квартиры, оплату свечей и дров для нее. Таким образом, в год голландский гидротехник получал около 1480,8 руб. Эта величина в три-четыре раза превышала жалованье других иностранных квалифицированных специалистов (исключая архитекторов)!

В начале осени 1721 г. Петр I именным указом повелел Питеру ван Хесселю «построить в Питергофе ветряную пильную мельницу и анбар. В которой, пиловать и поляровать камень мраморовой и алебастровой и другой всякий мяхкой камень, кроме дикова и крепкого камня»³, и тот успешно справился с этим заданием.

Выплата жалованья голландскому инженеру и перевод денег его жене в Амстердам постоянно задерживались, впрочем как и другим иностранным квалифицированным специалистам. К середине 1724 г. жена Питера ван Хесселя не получала денег уже 39 месяцев. Несколько ступая краски, он писал: «...моя жена там, почти что, помирает голодною смертию»⁴.

Голландский инженер потребовал не только немедленного погашения долга, но и увольнения. Чтобы ускорить принятие решения русской администрацией, он отказался выходить на работу. «А ныне, августа 4 число и я болше не буду работы смотреть, понеже, когда мне против кантракту моего, на заслуженные месяцы денежного жалования здесь не выдадут»⁵. Во время его личной встречи с Петром I, которая состоялась в конце декабря 1723 – начале января 1724 г., стороны достигли компромисса: было приказано немедленно выплатить голландскому инженеру половину долга, а вторую половину – позже («до указу»). В свою очередь он обязался достроить цементную мельницу⁶. Кроме того, император обещал разрешить Питеру ван Хесселю уволиться после окончания строительства.

Перед смертью Петр I счел необходимым расширить «полировальный» завод в Петергофе. 14 января 1725 г. он приказал построить там мельницу «для полирования стекол в сорок рам» (см. Приложение 1)⁷. Эту работу русская администрация поручила Питеру ван Хесселю. С одной стороны, вполне логичное решение: только автор проекта и строитель «полировального» завода мог быстро и эффективно расширить его, с другой стороны, оно нарушало достигнутую ранее договоренность. Реакция строитивого голландского инженера была вполне предсказуемой: 15 января 1725 г. он отказался выполнять указ императора (см. Приложение 1)⁸. Руководству Канцелярии от строений все же удалось договориться с ван Хесселем, и реальная работа по постройке «полировальной» мельницы началась в октябре 1725 г., когда голландский инженер закончил возведение цементной мельницы и был переведен в Петергоф⁹. Основной рабочей силой на этом строительстве были плотники и кузнецы из солдат Нарвского полка, тяжелую неквалифицированную работу также выполняли солдаты этого полка. В конце декабря 1725 г. в Петергоф на строительство «полировальной» мельницы прибыл тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров с инспекцией. По ее результатам он приказал Питеру ван Хесселю ускорить работы. Для этого А. В. Макаров дал право голландскому инженеру направлять солдат Нарвского полка на работы даже по субботам (см. Приложение 2)¹⁰. Этот приказ прямо противоречил указу Екатерины I о том, чтобы «они [штаб- и обер-офицеры] салдат в работу употребляли в неделю пять дней. А в субботу чтоб обучали военному артикулу. И в тот день кроме учения в работу ни в какую не употребляют, понеже о том, чрез тайного кабинет секретаря господина Макарова, имеетца указ Ея императорского величества»¹¹. Таким образом, солдаты пять дней в неделю работали, в субботу занимались строевой подготовкой, а в воскресенье отдыхали. Почему А. В. Макаров нарушил указ императрицы Екатерины I, остается только предполагать. Возможно, тайный кабинет-секретарь и директор Канцелярии от строений У. А. Синявин хотели таким образом преподнести императрице ко дню ее рождения подарок – пуск новой «полировальной» мельницы. Возможно, в казне просто заканчивались деньги и требовалось завершить строительство до того момента, когда снова начнется задержка выплаты жалования голландскому инженеру и он, как уже не раз бывало, прекратит работу. Приказ А. В. Макарова не мог не вызвать неудовольствия у солдат. Оно проявилось 4 марта 1726 г. В этот субботний день, вероятно, была плохая погода (мокрый снег, грязь). Утром солдаты Нарвского полка вместо работы собрались в теплой кузнице. Попытки голландского инженера заставить их выйти и начать трудиться натолкнулись на глухое сопротивление. Он вынужден был ударить тростью двух солдат, чтобы все 20 человек

медленно и неохотно стали покидать кузницу: «И, те солдаты стали мне противитца, и хотели меня бить топорным обухом. А за такую их противность и за непослушание в работе, и для высылки из кузницы ударил тростью солдат двух человек по одному разу. И потом они ушли из кузницы, и пошли к работе». Голландский инженер был храбрым человеком: он отправился вместе с солдатами к «полировальной» мельнице для распределения их по работам, не испугавшись озлобленной толпы. В это время подошел сержант Алексей Куликов. Он принял сторону своих подчиненных и вступил в грубую словесную перепалку с Питером ван Хесселем. По словам голландского инженера, сержант матерно обругал его, пригрозил физической расправой и выразил мнение многих русских простых людей об иностранных специалистах: «...хочеша де тебя здесь убью и растапчу, и парик, с тебя сняв, разарву?» «И применялся ко мне тростью к груди. И называл меня шведом, не имеющим де в своей земле хлеба. И приехал де сюды деньги брать», – сообщает подробности ван Хессель. Тем не менее Алексей Куликов так же неохотно отправился на работу, предварительно сказав, что «он де волен хоть одно бревно целый день стащить к работе». «И, ежели не случилось при мне, выше означенного, десятичника Осипова, то б конечно те солдаты меня убили», – заключает инженер (см. Приложение 3)¹². Это уникальный документ. В нем приведено мнение простых русских людей об иностранных квалифицированных специалистах. И сержант Алексей Куликов, и солдаты участвовали в Северной войне. Обозвав голландского инженера «шведом», они показали, что относятся к нему как к врагу.

Это происшествие так взволновало Питера ван Хесселя, что он в своей жалобе, написанной через четыре дня после этого инцидента, перепутал номера пунктов и подписался не обычной роскошной подписью, а совершенно иначе. Кроме того, он в очередной раз попросил уволить его от службы и отпустить на родину (см. Приложение 3). По этой жалобе началось следствие, длившееся несколько месяцев. Исполнявший обязанности архитектора Петергофа Т. Н. Усов в справке на имя директора Канцелярии от строений У. А. Синявина констатировал полный упадок дисциплины у солдат Нарвского полка и нерадивое отношение к своим обязанностям офицеров: «...у строения полировальной мельницы ундер офицеров 1, капралов 2. рядовых 20 человек. И того Нарвского гарнизонного полку к маэору Бешенцову в ордерах написано, чтоб работы исправлялись без остановки и салдаты работали уроком и на работу выходили так как в Адмиралтействе, а именно, чтоб став на работу в 5 часу пополудни. А февраля 11 дня нынешнего 1726 году у работ обер офицеров неимееца и салдаты на работу выходят поздно, что чинитца несмотрением ево Бешенцов»¹³. На эти обвинения майор Бешенцов ответил, что он работает не покладая рук, сам выводит солдат на работу и находится при них весь день¹⁴. На этом следствие закончилось, поскольку 21 марта 1727 г. голландского инженера, в числе многих других иностранных квалифицированных специалистов, уволили с русской службы. «По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строений, слушав полученного указа за подписанием собственные Ея императорского величества руки, который получен сего марта 21 дня под № 615, приказали: Первое. Иноземцов, которые по кантрактам урочные годы выжили и в которых нужды нейметца, по силе оного указа отпустить в их отечества. А имянно: слюзного дела мастера Фангезеля»¹⁵. «Полировальную» мельницу он успел достроить.

Инспектор Тимофей Фонармус (Dirk van Ammers)

Бурное строительство новой столицы привело к тому, что уже в 1718 г. кирпича не хватало даже для «государевых» строек. Царь Петр специальным указом запретил продавать с казенных заводов кирпичи частным лицам¹⁶. Чтобы решить проблему обеспечения государственных строек этим материалом, 11 марта 1719 г. по протекции директора Канцелярии городских дел (с 1723 г. — Канцелярия от строений) князя А. М. Черкасского главой всех государственных кирпичных заводов (инспектором) был назначен Тимофей Фонармус старший (Dirk van Ammers)¹⁷. По условиям этого назначения под его руководством ежегодно должно было производиться 12 млн штук кирпича и 4 млн штук черепицы. На эти цели ему предполагалось выделять 33 000 руб. в год. Стоимость кирпичей не должна была превышать 2 руб. за 1000 штук¹⁸.

Через год после того, как голландский инженер возглавил кирпичное производство, стало ясно, что он не только справляется с этой хлопотной должностью, но и в силах увеличить производство кирпича, снизив его стоимость. Именно это последнее обстоятельство всерьез испугало владельцев частных кирпичных заводов, занимавших высокие посты в русской администрации. У А. Д. Меншикова были собственные кирпичные заводы на реке Славянке¹⁹; генерал-лейтенант обер-секретарь Волков и полковник И. Лутковский совместно владели заводом в устье Черной речки²⁰. Также кирпичные заводы принадлежали генерал-полковнику А. М. Девьеру и «тайному кабинет-секретарю» А. В. Макарову²¹. Владельцы частных заводов поставляли казне кирпич на совершенно фантастических условиях, прямо нарушавших Адмиралтейский регламент: без торгов с другими подрядчиками, без взыскания штрафов при невыполнении или частичном выполнении условий поставки. Стоимость кирпичей, произведенных на частных кирпичных заводах, доходила до 3 руб. за 1000 штук (см. Приложение 4)²². Сменивший А. М. Черкасского на посту директора Канцелярии городских дел У. А. Синявин весной 1721 г. приказал провести полную ревизию («щет») деятельности голландского инженера: «А, по предложению, Фонармус, за взятые денги и в обжиге кирпича, показал несходство против ведомостей командирских. О чем велено содержать щет»²³. Следующее упоминание о начале «щетного» дела Тимофея Фонармуса старшего имеется в письме директора Канцелярии городских дел 17 февраля 1722 г. с «Марциальных вод» (У. А. Синявин был вызван туда для отчета императору): «Благородные господа судьи (заместители директора Канцелярии. — Б. М.) [...] в щете инспектора Фонармуса изволе иметь прилежное старание и не плошиться, дабы того на нас невзыскалось. И ево, в чем надлежит, принуждать. А ежели он не будет в чем давать отповеди — изволе ко мне написать немедленно. О чем я доложу здесь Его императорскому величеству»²⁴. Таким образом, за год работы никаких реальных нарушений у инспектора Фонармуса найдено не было. Дирк ван Аммерс старший подал жалобу в Сенат, в которой опровергал все обвинения со стороны руководства Канцелярии городских дел. В 1725 г. ревизионная комиссия Сената подтвердила невиновность инспектора Фонармуса.

Вернемся в 1723 г. 20 апреля, в разгар «щетного» дела, один из писарей инспектора Фонармуса, Иван Сухоруков, подал своему патрону «доношение» о замеченных им недостатках на кирпичных заводах. Он писал: «[...] усмотрено [...] что стопы обожженного кирпича у многих печей развалились, и, по этой причине, большое количество кирпича в них разбилось»²⁵. Поводом для этого «доношения» послужило желание писаря

напомнить о себе и получить давно обещанную инспектором прибавку к жалованью. Записка Сухорукова была написана в самый неподходящий момент. Все входящие документы в то время обязательно регистрировались – «записывались в книгу». Во время проведения ревизии даже такое вполне безобидное письмо могло серьезно повредить Тимофею Фонармусу старшему. Только этим можно объяснить грубое поведение жены инспектора, Констанции ван Бронкхорст²⁶ (дочери знаменитого голландца, лакового дела мастера, Хендрика ван Бронкхорста)²⁷, по отношению к И. Сухорукову. Она ворвалась в контору, где работал писарь, стала обзывать его фискалом, отобрала ключи от ящиков с документами и со словами «поди ты куда хочешь и фискаль где знаешь» выгнала И. Сухорукова вон. Наблюдавший эту безобразную сцену Дирк ван Аммерс старший поддержал жену и поколотил своего писаря тростью (см. Приложение 5)²⁸. Можно себе представить недоумение и обиду писаря, рассчитывавшего на поощрение своего «радения», а взамен получившего угрозы, побои и увольнение. Из описания этой ссоры следует, что как инспектор Фонармус, так и его жена хорошо владели русским языком на бытовом уровне (очень понятно и обидно ругались по-русски; особенно писаря задела виртуозная ругань и оскорбления от женщины – Констанции ван Бронкхорст). Тем не менее при деловых переговорах инспектор всегда требовал переводчика (ими были Захарий Фельдшау и (или) Иоганн Клинг). 3 мая 1723 г. И. Сухоруков подал второй донос на инспектора. В нем писарь не только жалуется на побои и «бесчестье», но и обвиняет Фонармуса в том, что инспектор построил на «государевы» деньги свой собственный кирпичный завод на земле Невского монастыря под деревней Волково. Кроме того, он повторяет свои наблюдения о развалившихся стопах кирпича. В конце доноса Сухоруков назвал свидетелей уже известного нам конфликта с инспектором и его женой: «бухгалтер иноземец Симон Менгоубен, писарь которой ныне у приходу и расходу казны Семен Лыков» (см. Приложение 5). Реакция руководства Канцелярии от строений на донос И. Сухорукова была молниеносной: ревизионной комиссии было приказано немедленно допросить инспектора Фонармуса о его «новозаведенном» собственном заводе и о развалившихся стопах кирпича на «государевом». Жалобы писаря на побои и «бесчестье» было приказано разбирать «где надлежит» (они не касались «ведения» Канцелярии от строений). Расследование этой жалобы показало, что кирпичный завод инспектор построил на свои деньги и средства брата – инженера-строителя Тимофея Фонармуса младшего. Постройку своего собственного кирпичного завода инспектор оправдывал тем, что казна постоянно задерживала ему выплату денег на производство кирпича. Кроме того, Дирк ван Аммерс не получал положенных по контракту 20 коп. с каждой тысячи изготовленного кирпича. Разрушение же нескольких стоп готового кирпича около печей нанесло казне незначительный ущерб²⁹.

21 апреля того же года донос на инспектора подал и его переводчик «бывший дерптский жител Иван Федоров сын Клиных»³⁰ Иоганн Клинг. Формальным поводом для него стала задержка жалованья. Понятны мотивы действий И. Клинга. Ревизионная комиссия установила, что именно он был ответственным за составление всех финансовых и приходно-расходных документов. Переводчик явно испугался следствия и решил «топить» своего начальника – инспектора. Возможно, что руководство Канцелярии от строений оказало на него давление. В доносе И. Клинг обвинил Тимофея Фонармуса в том, что последний выдавал «государевы» деньги различным лицам без расписок (выдача денег оформлялась задним числом, а расписки подделывались, очевидно, по прямому

указанию Дирка ван Аммерса старшего); что инспектор использовал нанятых на «государево» жалование работников для своих личных нужд и привел огромную по тем временам сумму ежегодных расходов на содержание челяди Тимофея Фонармуса старшего – 1422 руб. Он также просил выплатить ему задержанное жалование (96 руб. в год) за 16 месяцев. И в это дело вмешалась жена инспектора: по словам Клинга, 21 апреля 1723 г. она пришла в контору и не только обругала Клинга «шельмою», но и грозилась бить его кошками (веревками со специально сделанными на них узлами)³¹. В этом случае, вероятнее всего, конфликт проходил на немецком языке. Подача обоих доносов была вызвана и задержкой в выплате жалования их авторам. Эта задержка объяснялась объективными причинами: инспектору постоянно недоплачивали обещанные на производство кирпича и черепицы деньги. Благодаря этому доносу мы имеем описание слуг и дворовых людей инспектора Фонармуса (см. Приложение 6)³². Таким образом, голландский инженер мог себе позволить тратить на содержание только своих работников и слуг почти по 1000 руб. в месяц (жалование его сотрудникам – 420 руб. вычтено из общей суммы, приведенной в документе). На еду, одежду и другие потребности семья ван Аммерс тратила не менее 500 руб. в год. Вывод: минимальный доход инспектора Тимофея Фонармуса должен был составлять 1500 руб. в год. Он складывался из прибыли от кирпичного производства (следовательно, реальная себестоимость кирпича была гораздо ниже заявленных 2 руб. за тысячу) и доходов от собственного кирпичного завода (правда, из них нужно было отдать долги за его постройку). Логично предположить, что у инспектора были какие-то дополнительные источники дохода (выполнение частных заказов на постройку домов, поставки строительных материалов из Голландии и т. п.), о которых пока не удалось найти никаких архивных документов.

Иоганн Фридрих Браунштейн (Johann Friedrich Braunstein)

Иоганн Фридрих Браунштейн прибыл в Санкт-Петербург в начале 1714 г. в качестве чертежника при архитекторе А. Шлютере. После смерти архитектора с 1715 г. Иоганн Браунштейн сам становится архитектором³³. Столь стремительная карьера, вероятно, несколько вскружила ему голову. На мой взгляд, именно по этой причине с 1721 г. начал зарождаться конфликт И. Браунштейна с директором Канцелярии городских дел У. А. Синявиным. Так, в феврале 1721 г. И. Браунштейн пожаловался У. А. Синявину на поручика Кискина, который, по мнению немецкого архитектора, «помешательства делает» (см. Приложение 7)³⁴. Причина этой жалобы – желание снять с себя ответственность за замедление строительства Петергофа, вызванное недостаточным финансированием. Никакой реакции на эту жалобу не последовало. Конфликт усилился в 1722 г., когда обнаружилось, что в императорском дворце, который строил И. Браунштейн по своему проекту в Кронштадте, сильно деформировались своды первого этажа³⁵. По решению У. А. Синявина, немецкий архитектор должен был переделать эти своды за свой счет (стоимость работ – около 369 руб. 30 коп.³⁶; жалование И. Браунштейна – 600 руб. в год³⁷). С другой стороны, лечившийся на Марциальных водах Петр I приказал немецкому архитектору явиться к нему, желая лично проинспектировать планы всех производимых Браунштейном работ и внести в них свои коррективы. И. Браунштейн прибыл на Олонец 12 февраля³⁸. Ознакомившись с проектами, Петр I утвердил чертежи

двух фонтанов и каскада в Петергофе. Немецкий архитектор решил, что возводить их должен он сам. К его удивлению, У. А. Сиявин привлек к этому строительству архитектора Никколо Микетти. Из-за этого решения И. Браунштейн решился на прямое неподчинение своему непосредственному начальнику, директору Канцелярии городских дел, и, выражаясь современным языком, на саботаж работ в Петергофе. 9 мая 1722 г. он намеренно уехал из Петергофа, хотя знал, что на этот день У. А. Сиявин назначил там совещание с участием Н. Микетти по фонтанным работам (см. Приложение 8)³⁹. Петр I наложил жесткую резолюцию на жалобу директора Канцелярии городских дел на немецкого архитектора: «И, буде будет остановка, я на тебе спрошу, а не на них» (см. Приложение 8)⁴⁰. Тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров, через которого шла переписка У. А. Сиявина с императором, несколько смягчил реакцию Петра I на эту жалобу. Он объяснил резкий ответ императора так: «[...] не изволте думать, что то писано на Вас гневаясь. Но, Его величество, недоволен будучи поступками упрямыми того Броунштейна, так писать изволил для ево и протчих мастеровых, чтоб ис того им более было страху» (см. Приложение 8)⁴¹. В результате строительство фонтанов в Петергофе было поручено Н. Микетти. «Из Канцелярии Городовых дел отданы модели (фонтанов. — Б. М.) архитектору Микеттию. Одна, которую изволил Его императорское величество у Марциальных вод дать господину директору над строениями Ульяну Акимовичу Сиявину, о деле фонтанных труб; да две — о деле ж фантан, которые присланы от архитекта Броунштейна»⁴².

Все свои служебные дела немецкий архитектор обсуждал с женой. Именно по этой причине она попыталась помочь своему мужу: не придумав ничего лучшего, стала распускать слухи о том, что У. А. Сиявин арестован («держится под караулом») и всем приказано «с барабанным боем» доносить о его проступках. В частности, она сообщила об этом ученикам Н. Микетти (Даниле Ельчанинову, Григорию Небольсину, Ивану Мичурину). Эти ученики должны были отправиться из Петергофа в Санкт-Петербург для «подания в Канцелярии Городовых дел» прошений о прибавке жалованья. Они сообщили о словах жены И. Браунштейна руководству Канцелярии. По этому поводу сразу началось следствие (см. Приложение 9)⁴³. Кроме того, она же передала эти слухи жене главного садового мастера Стрельны — Беате Брокет. Новость обсуждалась в семье Брокета совместно с «резнаго дела мастером» французом Мишелем и «фантанного дела мастером» итальянцем Иосифом Корадини (Giuseppe Coradini)⁴⁴. Кто-то из сотрудников, учеников или прислуги Брокетов донес об этом обсуждении администрации. Все они были допрошены. Выяснилось, что источник этих слухов — якобы некий поручик Жиль Бран. «Токмо жена ево брокетова сказала, что говорил ей порутчик: господин Сиявин за караулом. А про барабанной бой слышел я от Кондрата Сухова и от протчих людей, что ему сказывал Жил Бран»⁴⁵. Очевидно, узнав о начале следствия, все его фигуранты согласовали свои показания. И. Браунштейна несколько раз вызывали в Санкт-Петербург по этому делу. Он упорно не хотел ехать. Свои отказы немецкий архитектор обосновывал тем, что следствие ведут сотрудники У. А. Сиявина, на которого он подавал жалобы. Кроме того, он требовал переноса расследования его жалоб и действий жены в канцелярию князя Голицына. «Для того я не хочу судим быть в Городовой Канцелярии, где челобитчик мой презусом. И меня, от таких, каторые под камандою ево, допрашивать ненадлежит. А прошу, чтоб меня допросить у Его сиятельства князя Голицына, где, по допросу, и решение будет»⁴⁶. Можно предположить,

что следствие постепенно заглохло. По крайней мере, никаких упоминаний о наказаниях или штрафах по этому делу найти в архивных документах не удалось.

Таким образом, иностранные квалифицированные специалисты, работавшие в Петергофе и Стрельне, образовывали маленькую тесную общину. Они встречались не только на богослужениях, но и повседневно, обменивались новостями, обсуждали различные происшествия. Их жены на равных правах участвовали в этих обсуждениях.

Тайная служба (контрразведка) успешно контролировала повседневную жизнь иностранцев. Только так можно объяснить факт того, что разговоры об аресте Синявина в семье Брокета стали известны администрации.

- ¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 85. 1717 г. Л. 268.
- ² РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 19а. 1720 г. Л. 174–185.
- ³ Там же. Кн. 27а. 1721 г. Л. 220–220 об.
- ⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 33. 1724 г. Л. 530.
- ⁵ Там же. Д. 33. 1723 г. Л. 530.
- ⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. 1724 г. Л. 308–309.
- ⁷ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 19. 1725 г. Л. 41 (15 января).
- ⁸ Там же. Л. 111.
- ⁹ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 149. 1725 г. Л. 535.
- ¹⁰ Там же. Л. 537–538.
- ¹¹ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 28. Октябрь 1725 г. Л. 93.
- ¹² Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 57а. 1726 г. Л. 217–226.
- ¹³ Там же. Л. 221.
- ¹⁴ Там же. Л. 226.
- ¹⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 45. Март 1727 г. Л. 182–183.
- ¹⁶ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Декабрь 1718 г. Л. 122–122 об.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 28. 1721 г. Л. 171–176 об.
- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 18а. 1720 г. Л. 184–191 об.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 23. 1720 г. Л. 523–545.
- ²⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 48. Июнь 1727 г. Л. 56.
- ²¹ Там же. Д. 12. 18 июня 1724 г. Л. 51–51 об.
- ²² Там же. Оп. 5. Февраль 1726 г. Д. 32. Л. 107–107 об.
- ²³ Там же. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 20. Д. 3. 1721 г. Л. 74–74 об.
- ²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 36. 1722 г. Л. 362–363 об.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 33б. 1723 г. Л. 721–740 об.
- ²⁶ Фамилия *Bronkhorst* в документах часто передается как *Брунхорст*.
- ²⁷ De Hollandse Hervormde Kerk in Sint-Petersburg. 1713–1927. Dell 3 / bezorgen door P. N. Holtrop, Th. J. S. van Staalduine. Kampen, 2003. P. 128.
- ²⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 33б. Д. 86. 1723 г. Л. 721–721 об.
- ²⁹ Там же. Л. 724–725 об.
- ³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 140а. 1739 г. Л. 872–873.
- ³¹ Там же. Д. 140а. Ч. 3. Л. 1292–1295 об.
- ³² Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 33б. Д. 86. 1723 г. Л. 729–729 об.
- ³³ *Штелин Я.* Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост. К. В. Малиновский. М., 1990. Т. 1. С. 207, 226; *Малиновский К. В.* Браунштейн, Иоганн Фридрих // Три века Санкт-Петербурга : энцикл. СПб., 2001. Т. 1 : Осьмнадцатое столетие. С. 149.
- ³⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 20. 1721 г. Л. 278.
- ³⁵ Там же. Оп. 2. Кн. 25б. 1722 г. Л. 267.
- ³⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 26. 1725 г. Л. 124 об. – 125; Ф. 467. Оп. 2. Кн. 40г. Л. 1308–1309.
- ³⁷ Там же. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 27а. Л. 370.
- ³⁸ *Макаров Б. С.* Голландский архитектор Стивен ван Звитен в России // ТГЭ. [Т.] 101 : Петровское время в лицах – 2019 : материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 209.
- ³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 137. Май 1722 г. Л. 198–198 об.; Оп. 2. Кн. 25б. 1722 г. Л. 44–45.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 136. 1722 г. Л. 1019.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Кн. 36б. 1722 г. Л. 344.
- ⁴² Там же. Кн. 25б. 1722 г. Л. 235 об.
- ⁴³ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 1. 1722 г. Л. 26.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 350. Л. 27.
- ⁴⁵ Там же. Л. 20.
- ⁴⁶ Там же. Л. 31.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПИТЕРОМ ВАН ХЕССЕЛЕМ УКАЗА
ЦАРЯ ПЕТРА I О ПОСТРОЙКЕ В ПЕТЕРГОФЕ
«ПОЛИРОВАЛЬНОЙ» МЕЛЬНИЦЫ*

И, при заседании, господин директор над строениями Сенявин объявил, что, генваря 14 дня, Его императорское величество в Зимнем доме изволил ево спрашивать: делаетца-ли мельница в Питергофе, которую повелел Его императорское величество сделать для полирования стекол в сорок рам. На что Его императорскому величеству доносил, что делать еще не начато. И Его императорское величество изволил указать делать с поспешением.

Ульян Синявин.

И, по тому Его императорского величества имянному указу, Канцелярия от строеней приказала: слюзного дела мастер Питер Фангезелю сделать о той мельнице чертеж, и объявить его Его императорскому величеству. И, что к делу той мельницы надобно порознь, каких материалов, подать, ему Фангезелю, ведомость. А пока о материалах подана будет ведомость, до того времени, велеть, к делу той мельницы и к делу в оранжереи теплых ящиков, леса, которые к тем ящикам велено подрядить камисару Елчанинову, до того времени пока подряжено не будет, велеть ему Елчанинову возить с Лахты на казенных лошадях, которые имеютца в Питергофе. И о том к ним, Фангезелю и камисару Елчанинову, послать указы.

Ульян Синявин, Гавриил Казлов, Иван Румянцов.

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 19. 1725 г. Л. 41 (15 января).

Подлинник

Прапорщик Фрол Бородин объявил в Канцелярии от строеней: послан был он из Канцелярии от строеней, с указом Его императорского величества, слюзного дела к мастеру Фангезелю, о деле чертежа мельницы, которую велено делать в Питергофе, по имянному Его императорского величества. И оной указ, он Фангезель, у него, прапорщика Бородина, не принял, а сказал словесно, что такой мельницы чертежа делать и строить он ее не будет. А достраивает он сementную мельницу. И, по достройке де оной мельницы, указом Его императорского величества, отпустить ево Фангезеля во отечество.

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 19. 1725 г. Л. 111.

Подлинник

* Формулировки заголовков – автора статьи.

О ПРИКАЗЕ ТАЙНОГО КАБИНЕТ-СЕКРЕТАРЯ А. В. МАКАРОВА
ПИТЕРУ ВАН ХЕССЕЛЮ, ПОЗВОЛЯЮЩЕМ ГОЛЛАНДСКОМУ
ИНЖЕНЕРУ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПЛОТНИКОВ И КУЗНЕЦА ИЗ СОЛДАТ
НАРВСКОГО ПОЛКА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ «ПОЛИРОВАЛЬНОЙ»
МЕЛЬНИЦЫ В ПЕТЕРГОФЕ ПО СУББОТАМ

Господин камисар Павлов.

Сего часа, получил я от Вас здесь письмо, писанное вчерашнего дня. По которому, требуете, чтоб, по требованию слюзного дела мастера Фангезеля, о присылке к ново построенной стеклянной полировальной мельнице нарвских гварнизонного полку салдат к нужным работам и в субботы, також и кузнеца того ж полку – во все дни. К господину маэору Бешенцову определено было ордером, дабы в строении той мельницы не было остановки. И, на оное, Вам ответствую: кузнеца ко оному строению определите из своей каманды, понеже их имеютца здесь немало. А о посылке салдат в субботы, за ордером Его Светлости (по которому повелено всех салдат обретающихся у работ в суботе обучать экзекуции), ордером, к помянутому господину маэору, определить невозможно.

Слуга ваш охотний Гавриил Казлов писано декабря 17 дня 1725 году.

Благородный Господин капитан Степан Карпович Павлов.

Доношу Вашей милости: в бытность в Питергофе, тайный кабинет секретарь Алексей Васильевич Макаров приказывал господину полковнику Гавриле Ивановичу Казлову, чтоб в новостроенной в стеклянной полировальной мельнице иметь старание как в материалах, так в плотниках и в салдатах к тем работам удовольствоваться, и ни в чем никакой остановки мастеру Фангезелю не учинить. А ныне, к тем работам, от Нарвского гварнизонного полку, по требованию моему, ис салдат к нужным работам в субботу не посылают. И ис того полку кузнецы не бывали к работам две недели. А плотников, которые посылаютца по реэстру бессменно, и оных, по все дни, сменяют. От их сменою в той работе чинитца немалая остановка и вскорости той мельницы сделать невозможно. И, ежели впред в субботу плотников и салдат, да кузнецов присланы не будут, и сменять плотников станут, то я повинен писать тайному кабинет секретарю господину Макарову, чтоб работы тои на мне не взыскалось.

Того ради, прошу, извольте в той работе иметь старание, чтоб плотников, салдат, да кузнецов, по требованию моему, в субботу присылали б.

Pieter van Heessel. Декабря 24 дня 1725 году.

РГГА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 148. Ч. III. 1725 г. Л. 537–538.

Подлинник

ЖАЛОБА ПИТЕРА ВАН ХЕССЕЛЯ НА СОЛДАТ НАРВСКОГО ПОЛКА,
КОТОРЫЕ ОТКАЗАЛИСЬ ВЫХОДИТЬ НА РАБОТЫ В СУББОТУ,
И ЕГО ОЧЕРЕДНАЯ ПРОСЬБА ОБ УВОЛЬНЕНИИ

№ 724. Послано марта 8 дня.

В Канцелярию от строений доносит слюзного и мельничного дела мастер Питер Фангезель, а о чем – тому следуют пункты:

1

В прошлом 1725 году в генваре месяце, по именному блаженной и вечнодостойной памяти Его императорского величества изданному высокому указу у того ж 1725 года, по скончании Его величества жизни, в бытность в Питергофе, Его императорское величество имянную свою («волю» – пропущено. – *Б. М.*) изустным приказом изволил указать мне в Питергофе сделать стеклянную полировальную мельницу в скорейшем числе, которую и делал.

2

А сего 726 года марта в 4 день, по полудни по втором часу, Нарского гарнизонного полку 20 человек солдат, которые командированы были за плотников безсменно, по реэстру, к строению той мельницы, и, пришед к той работе, те солдаты вошли в кузнецу. И, приказам моим, те солдаты посылины (так в документе, очевидно: «посланы». – *Б. М.*) из кузнецы на показанную работу, бывшем при мне, десятником и столяром Остапом Осиповым. Того десятника солдаты не послушались и в работу из кузни не пошли. И кузнечную работу, теми солдатами, остановлена. А при них, в том числе, капралу и сержанту от полку не было. А которое их непослушание в работе, пришедший ко мне, выше помянутый десятник Осипов доносил, что те солдаты по ево Осипова высылке из кузницы в работу нейдут. И, потому, я пошел в тое кузницу, и стал их высылать в работу. И те салдаты, по высылке из кузницы, меня не послушали, и в работу не пошли, И сказали мне, что мы де без сержанта, и без капрала в работу не пойдем. И, потом, я говорил им: ежели в работу не пойдете, то пойдите из кузницы вон куда хотите, а в кузнице не мешайте работать.

3

И потом стал я их из кузницы высылать вон. И, те солдаты, стали мне противитца, и хотели меня бить топорным обухом. А за такую их противность и за непослушание в работе, и для высылки из кузницы ударил тростью солдат двух человек по одному разу. И, потом, они ушли из кузницы, и пошли к работе. И, идучи в работу, остановясь, хотели меня бить. За которыми солдатами я и сам шел. И, ежели не прислучилось при мне выше означенного десятника Осипова, то б конечно те солдаты меня убили. И, потом, к той работе, того полку, пришел сержант Алексей Куликов пополудни в третьем часу. И стал я ево посылать к той работе – не пошел, и стал меня бранить всякими матерными скверными непотребными словами, которые противу церковного правилу.

Которую обиду и от Его императорского величества, и от вышних камандиров не слышал. И, по той скверной неподобной брани, гаварил мне: хочещ я де тебя здесь убью и растапчу, и парик, с тебя сняв, разарву? И применялся ко мне тростью к груди. И называл меня шведом, не имеющим де в своей земле хлеба. И преехал де сюды деньги брать. И я, того сержанта Куликова, отсылал от себя многократно к той работе. Которую сказал мне: он де волен хоть одно бревно целый день стащить к работе. И, с работы, солдат, которые будут проситца у него для своей нужды хоть десять человек, без твоего ведома, с работы отпущу. Которое ево, в работе противности и скверной меня брани, о том на работе слышали выше писанные из полков мастеровые и десятник Осипов.

5

(«5» — именно так: от волнения он, видимо, перепутал номер пункта. — Б. М.)

Дабы повелено было, в непослушании в работе и сержанта Куликова в скверной неподобной брани меня оборонить, чтоб вперед, за токой противностью и непослушанием, у меня в работе не было остановки. И, ежели вперед такая будет противность и непослушание солдат у меня в работе, то прошу Ея императорское величество во отечество мое милостивого апишиту, понеже мне, за тои противностию, при той работе быть невозможно. Которую противность в работе теи солдаты и впред покажут.

Того ради, покорно прошу по сему моему доношению милостивое решение учинить.

Марта 4 дня 1726 года. Peter Van Heessel.

РГЛА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 57а. 1726 г. Л. 217–226.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

УСЛОВИЯ КОНТРАКТОВ И СТОИМОСТЬ ПОСТАВОК КИРПИЧЕЙ С ЧАСТНЫХ ЗАВОДОВ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРОЙКИ

По указу Его императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав выписки о поставленном кирпиче з заводов господ: генерала и сенатора Дивизера, тайного кабинета секретаря Макарова, воинского действительного советника Волкова, полковника Лутковского, ПРИКАЗАЛИ: за поставленной их кирпич, на железной вид, красного, да белого за пятую часть, итого за 783 900 кирпичей, по договорной цене по 3 рубли за 1000, к прежде данным денгам, — к 2000 рублей, достальные 351 рубль 70 копеек, да за поставленный сверх определения и подписки белой кирпич, за 149 100 кирпичей, выдать. Против прежних, дать — по полтара рубли за 1000. Да, к тому ж, за провоз — по 53 копейки с тысячи. Итого, по 2 рубли, по 3 копейки за тысячу, 302 рубли 67 копеек. Из которых, вычесть за не отданную бечеву смоляную 2 рубли 47 копеек с половиною. Всего, за оным вычетом, 651 рубль 89 копеек с половиною выдать ис Канцелярии от строеней, выше писанным господам, по прошению их марта 30 дня, Антону Девизеру да Алексею Макарову, присланному от них, записав в расход с роспискою ис положенной

суммы сего 726 году. А бечеву, которой в отдаче не явилось, велеть отыскивать. И, буде сыщется, принять ее по-прежнему. За которую, выше писанные вычетные денги, будут выданы. И, выше писанных господ, служителей их призвать в Канцелярию от строеней, и взять скаску: не доставленной достальной кирпич, которого у них, в указное число в миллион, в поставке не явилось 67 000, будут-ли ставить и на которые сроки? А, за не поставку того кирпича на срок, штрафа не иметь для того, что о взятъе штрафа во определении Канцелярии от строеней и в подписке полковника Лутковского не написано.

Гавриил Казлов Иван Румянцов.

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Февраль 1726 г. Д. 32. Л. 107–107 об.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ДОНОС ПИСАРЯ ИВАНА СУХОРУКОВА НА ИНСПЕКТОРА ТИМОФЕЯ ФОНАРМУСА

В Канцелярию от строеней.

Доношение

Понеже, имел я житие, по призыву инспектора Тимофея Фанармуса же, за писаря. Которое, показанное на меня определение, положено быть у записи на кирпичных заводах у расхода кирпича и черепицы. Которую свою должность, имел я отпразднествовать с минувшего 1719 году. За которое мое надлежащее правление, получал я от него, с оного 719 году, трактаменту по 721 год по 42 рубли. И, с того году, усмотря он в том канторском деле достоверную отправу, назначил (так в оригинале. — Б. М.), а паче определил давать трактаменту, с того 721 году того, определенного жалования не токмо что прибавочным удостоив, но и прежнем оклад давал со удержанием. Всего тех денег недодано 61 рубли 11 алтын 2 деньги. Однако, свое, положенное на меня, дело правил по-надлежащему. А ноне, от ниже писанного числа, ныне я от него Фанармуса и от жены ево паче во изгнании. Которую показую тако: минувшего апреля 18 дня, по усмотрению моему, у галанской и другой печей кирпич, который поставлен в стопы, низ оные многим развалились. От чего вперед может быть немало ущерба. И, по тому моему осмотру, между развалившихся кирпичных стопов ко охранению, подал яму Фанармусу письмо, которое, во окончании сего доношения, для свидетельства приобщено. И то письмо, он Фанармус, у меня принял апреля 20 дня. И, на другой день, по тому моему поданному письму, жена ево фанармусова, бывши при (конторе. — Б. М.), с пореками торкала мя фискалом, что коим образом сие следующее письмо, к подаанию мужу моему, сочинил. И потом, в той канторе ящичной ключ взяла (и говорила с кощунными словами поди ты куды хочеш и фискаль где знаеш). А потом, вящее имея в том к напрасному мне злему страданию, оный Фанармус стал меня бить тростию, како видимое есть, за выше помянутое мое объявленное письмо. И, по тем ее выше помянутым словам, и по учиненному от мужа ее Фанармуса злонападенном бое, стал быть от канторы лишен. Которые слова не надлежало ей такие произносить и в такое

дело вступать (что есть я како фискал, ибо охранял Его императорского величества кирпич от ущербу (скобки в оригинале не закрыты. — Б. М.) ему Фанармусу письменно предлагал. Ноне же, по-видимому, о том како есть нерачение и не охранение того кирпича, а вящее, что имеет рачительство к своему ново заведенному кирпичному заводу, который имеетца на земле Невского монастыря под деревней Волково. А, в данной ему Фанармусу инструкции, в 15 пункте написано: деньги, которые даются на содержание заводов, ни на какие свои подряды и торги не употреблять, и другим ни каму не давать ни под каким видом. И, сим объявляю, дабы, Его императорское величества указом, повелено было помянутого Фанармуса допросить, а заслуженные мои деньги на нем доправить. Так же, и о помянутых заводах, каким видом и какие доходы он Фанармус их содержит, и по какому кантракту. А, буде он учнет в том бое запирацца, дабы повелено было, для явного ему Фанармусу изобличения, допросить канторских обывателей, которые при том бое были. А у прежнего дела быть мне не для чего, понеже той щет обо всем надлежит требовать известия у него Фанармуса того ради, что записные книги о тех кирпичных заводах обретаются у него Фанармуса. Да для того, что я от него сослан, ныне, за не отдачу ево, заслуженных моих денег, помираю голодною смертию. А кто имены свидетели, о том явствует ниже сего роспись.

О сем донося предлает (очевидно, «предлагает». — Б. М.)

писарь Иван Сухоруков мая 3 дня 1723 года.

А сие доношение писал я Иван Сухоруков и руку приложил.

Свидетели: бухгалтер иноземец Симон Менгоубен,

писарь которой ныне у приходу и расходу казны Семен Лыков.

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 33б. Д. 86. 1723 г. Л. 721–721 об.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

СПИСОК СОТРУДНИКОВ И ДОМАШНЕЙ ПРИСЛУГИ ИНСПЕКТОРА ТИМОФЕЯ ФОНАРМУСА

В Канцелярию от строеней

Доношение

При сем своем доношении объявляю: в роспесе инспектор Тимофей Фонармус держит у себя людей, не против данной ему инструкции, которые из дворовых людей, яко ис переведенцов каменщиков и столяров. Которые, из оных, многие бывают беспрестанно при домашней ево фонармусовой работе, а не при деле Ево императорского величества, против данной ему Фонармусу инструкции, и о протчим домашнем ево из найму взятым волным служителям. Как то явно во оной росписке происходит сумма денег немалая. О которой стал быть я, нижайший, не выданным числе известен, а имянно — от бухгалтера Симона Христофа, которой про то ведал. А ис каких доходов такую сумму, оприч ево домашнева расходу, может держать, а из государевых людей чрез данную ему Фонармусу инструкцию не употреблять на свой домашней работу.

И денги многие давал без росписок — о том оные люди, по исследованию, и сами скажут. И, в доношении ево Фонармуса написано: для управления и надзирания над мастеровыми и работными людьми потребно, из государевых людей, ис переведенцов, каменщиков, кирпичников, и черепичников, и обжигальщиков 35 человек, и протчих, в той статье написано всего 67 человек. И те люди, которые ныне при нем Фонармусе, и которые преж сего служили, и с каких доходов им жалованье давал, и об оном в книгах явствует-ли от них росписки и рапортованы об оных в Канцелярии от строеней, понеже о том значит в данной ему инструкции в пятом на десять (в 15. — Б. М.) пункте написано: денег которые даются на содержание заводов ни на какие свои подряды, или торги не употреблять, и другим никому не давать ни под каким видом, и определенные ему и помощником ево, вместо жалованья, денги самому, без указа из Канцелярии от строеней, не брать. И, о выше писанных людях, при сем, предлагаю роспись.

Того ради, покорно прошу, дабы, ево Фонармуса, о всем выше помянутом допросить, понеже сие касается в Канцелярии от строеней к щетному делу. А ежели станет в сем заширатца, дабы повелено было допросить тех людей, против росписи, всякого порознь.

О сем доносит переводчик Яган Клиньх майя 3 дня 1723 году.

Яган Клиньх (подпись по-русски. — Б. М.).

1723 году июня 9 дня к щетному делу

Роспись

При инспекторском доме, какие, порознь, живут люди и что их дело,

также почему берут жалованием

А имянно

У переводнаго дела в Канцеляриях и Коллегии был Иван Клиньх	96
Бухгалтер или книгодержец Симон Христофоров	96
Писарь Михайла Третьяков	72
Был писарем Иван Сухоруков	42
Василей Корчмин писарь	36
Семен Лыников писарь	36
Писарь Фома Бодчаров	24
Писарь Александр Семенов	24
Всего вышеписанным в год жалованья	420
Домашние служители	
Учитель которой детей ево учит	100
Камерфер которой за ним ходит и детей нарежает	(нет суммы. — Б. М.)
Камердинер Тимофей Ильин	25
Бывшей кучер и ныне на нова откупные заводы прикащиком	
Василей Иванов	15
Кучер Петр Яковлев	12
Жене ево Петрову	6
Агафье	6

Степаниды	6
Квартирмейстеру которой на буере	12
И с прежним, выше писанным всего в год	608
Каменщиков	
Клим Терентьев, берет жалованья и служит у него в поварах	48
Иван Гунцов каменщик, служит при дворе	48
Михайла Емельянов каменщик, а служит при дворе	30
Иван Никифоров – волной человек	0
Иван Петров волной человек	30
Барис Дмитриев	30
Двум кузнецам	48
Четырем столярам, которые работают больше на инспектора нежели на государя. О чем они еще (так в документе. – Б. М.) сами скажут	192
Михаил Рижен каменщик	48
Елфим каменщик	48
Якову Ананену каменщик	48
На Петергофе каменщик	
Рашбак	48
Семену Максимову	48
Тимофею Радивонову	48
Филату	48
Ивану Иванову	48
Семи человекам грешцам положил по три рубли на месяц, итого на 4 месяца	84
Всего на выше писанных людей расход в год 1422, oprичь их домовый расход	

Яган Клиных.

РГДА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 336. Л. 86. 1723 г. Л. 729–729 об.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ЖАЛОБА И. БРАУНШТЕЙНА НА ПОРУЧИКА КИСКАНА

(Гербовая бумага)

В Концелярию Городовых дел

Даношение

Понеже, я царскому величеству, с прилежанием, 7 лет служил, так что надеюсь – никто паречения на меня иметь не будет. Ныне же я опасаюсь подозрения, наипаче же гнева царского величества, понеже несносныя притчины чинятся. Ибо, Его царское величество повелевает, дабы в Петер гофе работа в добром прилежании исправлялась, а порутчик Кискин такие помешательства делает. О чем, не без труно

(так в документе. — Б. М.) царскому величеству отвечать. А наипаче, когда я нечто как так и работником прикажу, тому оной поруччик велми перечит и грозит им железами, и пробоями. А чего все никому, так как ему послушны. Ныне, оные работные люди, что хотят, то делают и когда похотят — на работу придут, и когда похотят — пойдут. А поруччик Кискин более живет в Питер бурхе. И я от их послушания не имею. И меня ругали, когда я им что прикажу, которое касаетца к службе царского величества.

Того ради, всепокорно прошу милостива про мое учреждение в работе царского величества положить, понеже в таком порядке невозможно мне обещать в работе добра или худу, понеже я ни от кого послушания не имею.

О сем доносит архитектор Брунштейн.

Февраля дня 1721 году. G. J. Braunstein.

РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 20. 1721 г. Л. 278.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ДОКУМЕНТЫ О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ У. А. СИНЯВИНЫМ И И. БРАУНШТЕЙНОМ ПО ПОВОДУ ФОНТАННЫХ РАБОТ В ПЕТЕРГОФЕ

В Канцелярии Городовых дел. Понеже, по данным Его императорского величества пунктом, за подписанием собственные Его величества руки, велено в Питер гофе многие дела, а паче фантанные работы исправлять с поспешением. А сего мая 9 дня, архитектор Бронштейн из Питер гофа, без ведома моего, уехал в Питербурх. И, в небытность ево, сего ж месяца 10 числа получил я два чертежа фантанны, да кашкад, с подписанием собственные Его величества руки. По которому подписанию, надлежит приискать места и обмерить, и потому писать до Его величества. И, того ж числа, писал я к нему Бронштейну, чтоб он ехал в Питер гоф на шлюпке, которая послана нарочно лейб гвардии с обозным Щербачевым. Которой обозной писал ко мне, что он Бронштейн на той шлюпке не едет. А хотел ехать сего ж мая 11 дня, по полуночи в восьмом часу, сухим путем. И, того ж 11 числа, для роспределения питергофских работ, приезжал господин архитектор Микети. Которой желал видеть план Питергофской и фантанные чертежи, подписанные собственные Его величества рукою, которые у него Бронштейна и без них делать ничего невозможно. И, о приезде ево Бронштейна, вторично к нему писал, токмо и, поныне, еще не бывал. А в работах чинитца великая остановка. Того ради, Городовая Канцелярия да благоволит оного архитекта Бронштейна сыскать во оную Канцелярию и допросить — для чего он чинитца мне ослушен и в Питер гоф к работе не едет? И, допрося, прислать ево немедленно в Питергоф на посланной шлюпке с помянутым обозным Щербачевым. А з допросу прислать копию.

Ульян Синявин Ис Питер гофа мая 12 дня 1722 году.

РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Л. 137. Май 1722 г. Л. 198–198 об.

Подлинник

(24 мая 1722 года) В Канцелярии Городовых дел, господин директор от строений Ульян Акимович Синявин имел с архитектурами Микетием и Трезином консилиум. В котором объявил, что архитектор Броунштейн в Питер гофе сказал ему господину директору, при оном Трезине и при штап и обер афицерах, и при других людех, что Его императорское величество указал в Питер гофе фантаны делать ему Броунштейну без архитектора Микетия. А он, господин директор, от Его императорского величества такова указу, что помянутому Браунштейну те фантаны делать одному, без Микетия, не имеет. И для того, Микетия, без указу Его величества, от того дела отрешить он не смеет. На что он свое мнение объявил, чтоб до присланного указу от Его императорского величества, о чем в Кабинет Его величества писано, дабы в фантанных делах не упустить удобного времени, в деле тех фантан надзирать, по прежнему, Микетию. И для того, русских поялщиков разделить по равному числу к фантанным мастерам италианцам. И отправлять им те фантанные дела по указыванию архитектора Броунштейна, а имянно: италианцом – одному фантаны в Моплезире и в Минажерей, а другому – доделывать кашкады против палат делать и фантану в бассейне перед гротом. А французу (фонтанный мастер Поль Суалем. – Б. М.) доделывать фантаны в парках, против палат по обе стороны канала; также зделать фантану, что у Адама. Понеже оному французу, как в Момплезире, так и в Минажерей делать отдать невозможно, ибо он мастер еще неизвестен и управить того ему невозможно. И означенное мнение, зарукою господина директора от строений Ульяна Акимовича Синявина, да архитекторов Николая Микетти, Андрея Трезина.

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 25б. 1722 г. Л. 44–45.

Подлинник

Господин директор.

Писал ты к Макарову, что Броунштейн некоторое непослушание чинит в работах и, за тем, боится остановки во оном. Чему я zelo дивляюсь, понеже и не таким суд есть. И, буде будет остановка, я на тебе спрошу, а не на них.

Подлинное письмо писано собственною Его императорского величества рукою.

И под тем подписано тако: Петр. Из Астрахани в 13 день июля 1722 году.

РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 136. 1722 г. Л. 1019.

Подлинник

Государь мой Ульян Акимович.

По письму Вашему от 22го числа, в котором Вы писали о Броунштейне, Его величеству я доносил. И о том Его величество изволил к Вам сам писать. И, хотя во оном, Вам прикро (так в документе. – Б. М.) написано, однако не изволте думать, что то писано на Вас гневаясь. Но, Его величество, недоволен будучи поступками упрямыми того Броунштейна, так писать изволил для ево и протчих мастеровых, чтоб ис того им более было страху. Також, доношу Вам, что Его величество изволил к светлейшему

князю писать о исправлении работ, в том числе и о ваших помянуто. И, для того, о противностях Броунштейна, и протчих важных делах надлежит Вам доносить светлейшему князю.

В 14 день июля, в Астрахани.
В протчем остаюся слуга Ваш, моего государя, А:Макаров.

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 366. 1722 г. Л. 344.

Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ЖЕНА И. БРАУНШТЕЙНА РАСПРОСТРАНЯЕТ СПЛЕТНЮ О ТОМ, ЧТО ДИРЕКТОР КАНЦЕЛЯРИИ ГОРОДОВЫХ ДЕЛ НАХОДИТСЯ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

(3 декабря) И, при заседании, при господине прокуроре, архитекта Микетия ученики Данила Елчанинов, Григорей Небольсин, Иван Мичюрин просили о прибавочном жалованье, и доносили: в бытность их в Питер гофе, архитекта Бронштейна жена, вышед от мужа ис канторы, и говорила им: слышали де вы, что про Ульяна Синявина? И они ей сказали, что ничего не слыхали. И она сказывала им: она де слышала о Ульяне Синявине в Питербурхе публикованы указы з барабанным боем – ежели кто ведает за ним Синявиным какие притчины, подавали б прокурору доношения. И ничего де вы не бойтесь, и говорите всем вслух, что она им велела сказывать, понеже де она о том подлинно знает.

Того ж числа, в собрании в Городовой Канцелярии господ судей, господин прокурор предлагал поданные челобитные, заруками архитекта Бронштейна и столярного мастера Мишеля, на директора городского строения в обидах. Которые чтены были (далее – дефект оригинала, неразборчивый текст. Смысл этого текста в том, что необходимо начать расследование по этим жалобам. – Б. М.).

[...] Того ж числа, при заседании господ судей, переводчик Захар Фелтшау доносил господину директору и камисару Синявину, что с челобитной архитектурного ученика Плетнева, в которой показано ему Плетневу об обидах от архитекта Бронштейна, дана ему копия для перевода и объявления ему Бронштейну. И он де Бронштейн, выслушав, сказал ему, что он по оному прошению в допрос не приедет для того, что ево судить в Городовой Канцелярии не можно.

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 1. 1722 г. Л. 26.

Подлинник